

Ничков Евгений Александрович

ОТЧЕТЫ ВОЕННО-ЦЕНЗУРНОЙ КОМИССИИ ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПЛЕНА В 1914-1917 ГГ.

В данной статье рассматривается проблема использования отчетов военно-цензурной комиссии Омского военного округа как исторического источника. На основании контент-анализа установлены периодичность составления отчетов, их структура и содержание. Определено, что информация из отчетов позволяет реконструировать досуг пленных, условия содержания, отзывы о работе благотворительных организаций и государственных органов и значительно дополняет данные эпистолярных источников времен "Великой войны".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 145-148. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

Список литературы

1. Айгунский справочник по уезду / сост. Суй Сяолянем в 9-й год Китайской республики. Хэйхэ, 1920. 340 с.
2. Амурская газета. 1900. 26 марта.
3. Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Труды Амурской экспедиции. СПб., 1912. 460 с.
4. Дефо дю Ро Ж. Китайцы на Реюньоне // Азия и Африка сегодня. 1978. № 10. С. 22-28.
5. Дятлов В. И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные богом? Иркутск, 1996. 253 с.
6. Легенда русского языка в семейном роде Лю [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/people/txt/2009-02/11/content_17260368.htm (дата обращения: 26.01.2011).
7. Петров А. И. История китайцев в России. 1856-1917 гг. СПб.: ООО «Береста», 2003. 960 с.
8. Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М.: Наука, 1989. 124 с.
9. Унтербергер П. Ф. Приморская область (1856-1898): очерк. СПб., 1900. 324 с.
10. 李长傅. 中国殖民史. 上海, 1984 年. 550 页. (Ли Чанфу. Китайская колониальная история. Шанхай, 1984. 550 с.)
11. 徐万民. 总署奏遵义设所管理海参崴俄界华民折, 光绪八年初八日. 黑河学刊, 1993 年. 357 页. (Сюй Ванминь. Китайские торговцы на Дальнем Востоке. Хэйхэ: Хэйхэская научная печать, 1993. 357 с.)
12. 徐万民. 徐万民. 驻海参崴总领事陆是. 黑河学刊, 1993 年. 722 页. (Сюй Ванминь. Китайские торговцы на Дальнем Востоке. Количество китайских эмигрантов в России. Хэйхэ: Хэйхэская научная печать, 1993. 722 с.)
13. 徐万民. 东邦华商在俄国远东. 载于黑河学刊, 1993 年. 548 期. (Сюй Ванминь. Китайские торговцы на Дальнем Востоке. Положение в торговле. Хэйхэ: Хэйхэская научная печать, 1993. 548 с.)
14. 徐万民. 东邦华商在俄国远东. 《烟台贸易年报》. 黑河学刊, 1993 年. 620 页. (Сюй Ванминь. Китайские торговцы на Дальнем Востоке. «Яньтайская торговая газета». Хэйхэ: Хэйхэская научная печать, 1993. 620 с.)
15. 丛佩远、赵鸣崎. 廷杰集(上). 北京中华书局, 1985 年. 440 页. (Цун Пэйюань, Чжао Минци. Сборник Цао Тинте. Пекин: Чжонхуа, 1985. Ч. 1. 440 с.)

CHINESE MERCANTILE COMMUNITY IN THE RUSSIAN FAR EAST IN 1858-1917

Ning Yanghong

Zhao Huiqing

Heihe University (The People's Republic of China)

hhxynyh@163.com

Druzyaka Andrei Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor

Blagoveshchensk State Pedagogical University

druzyaka12@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of the total flow of Chinese entrepreneurs in the Russian Far East in the pre-revolutionary period. The authors consider the main spheres and directions of the commercial activity of the Chinese in various parts of the Far East, the specificity of ethnic entrepreneurship in the conditions of the development of its territory. On the basis of Russian and Chinese sources the paper gives a general classification of the Chinese trading minority, enumerates the common and distinctive features of the Chinese community, makes conclusions about the significance of its activity.

Key words and phrases: The Qing Empire; Russia; The Far East; trading minority; Chinese communities.

УДК 94(47).083.3

Исторические науки и археология

В данной статье рассматривается проблема использования отчетов военно-цензурной комиссии Омского военного округа как исторического источника. На основании контент-анализа установлены периодичность составления отчетов, их структура и содержание. Определено, что информация из отчетов позволяет реконструировать досуг пленных, условия содержания, отзывы о работе благотворительных организаций и государственных органов и значительно дополняет данные эпистолярных источников времен «Великой войны».

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; военная цензура; Омский военный округ; военнопленные; исторический источник.

Ничков Евгений Александрович

Томский государственный университет

nichkov-evgeniyu@rambler.ru

ОТЧЕТЫ ВОЕННО-ЦЕНЗУРНОЙ КОМИССИИ ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПЛЕНА В 1914-1917 ГГ.

Среди обширного комплекса источников по истории военного плена на территории России одними из мало изученных и плохо сохранившихся остаются источники личного происхождения, в частности, переписка военнопленных. Миллионы почтово-телеграфных сообщений, написанных за годы плена, безвозвратно утеряны

для исследователей. Несмотря на то, как было отмечено Э. Е. Абдрашитовым [1], что переписка военнопленных является очень ценным и важным источником по истории плена, она, к сожалению, зачастую не сохранилась для исследований и, прежде всего, на региональном уровне изучения. Отчасти компенсировать этот недостаток возможно, на наш взгляд, именно за счет отчетов военно-цензурной комиссии. Ее материалы основывались на сотнях тысяч почтово-телеграфных отправок и, в отличие от прошедшей цензуры и допущенной переписки, содержат критические замечания на содержание в плену, отзывы о происходящих вокруг них событиях, а также мнения о России и людях, населяющих ее.

Целью данной работы является на основании сохранившихся копий военно-цензурных отчетов Омского военного округа оценивание их исторического потенциала как источника по истории военного плена.

Организации и работе цензуры в России было посвящено большое количество научных публикаций [2; 5-7]. Не повторяя результатов этих работ, необходимо кратко охарактеризовать условия работы Омской военно-цензурной комиссии и структуру ее отчетов. В июне 1914 года было введено «Временное положение о военной цензуре», по которому была создана Главная военно-цензурная комиссия. Основным регламентирующим документом для нее являлся указ императора Николая II от 20 июля 1914 года, вводивший в действие «Временное положение о военной цензуре». По нему военная цензура устанавливалась в «полном объеме» в местах военных действий и «частично» – на других территориях [8, с. 1-15].

Омскую военно-цензурную комиссию возглавляли полковник Богдашевский (с августа 1914 по декабрь 1915 года) и полковник Козлов (с января 1916 по ноябрь 1917 года). Количество цензоров и переводчиков с августа 1914 года по ноябрь 1917 года увеличилось с 15 до 59 человек [3, д. 191, л. 257]. Увеличение числа сотрудников военной цензуры позволило повысить количество просматриваемой корреспонденции с около 150-200 тысяч почтово-телеграфных отправок в месяц до полумиллиона в конце 1917 года. В первые месяцы войны количество закрытых писем к общему числу почтово-телеграфных отправок составляло до 30%, в последние же месяцы – лишь 5%. В среднем на одного цензора приходилось около 8414 проверенных отправок в месяц. Всего только за два первых года было просмотрено 5 миллионов 250 тысяч сообщений.

Уже в первый же год Богдашевский в своих отчетах указывал на нехватку цензоров и на необходимость привлечения в штат работников гражданских лиц. Недостаток цензоров остро сказывался на темпе и объеме проверяемой корреспонденции, что выражалось в попытках компенсировать это за счет «серьезных и надежных женщин» в качестве переводчиков и для цензуры открытых писем. Характерной особенностью было то, что на протяжении всего рассматриваемого периода, несмотря на увеличение цензоров и переводчиков почти в четыре раза, примерно половина поступающих писем не проходила проверку цензорами в силу их загруженности, следовательно, и не была отправлена конечным адресатам. Учитывая факт, что из проверенных сообщений цензуру проходили далеко не все, то количество действительно отправленных писем, без учета утерянных в ходе доставки, будет значительно меньше написанных пленными.

Помимо первичной цензурной обработки, письма военнопленных подвергались повторной проверке на предмет качества работы цензоров. В среднем 1 из 100 проверенных писем подвергалось повторной проверке. Также подлежала обязательной проверке корреспонденция по адресам некоторых фирм и лиц, согласно списку, составленному в январе 1917 года. Например: Акционерное Общество Гназенштейн и Фоглер, компания швейных машин «Зингер», госпожа Анна Станислава Багутская и т.д. Всего 373 адреса из 15 стран, в число которых входили, помимо воюющих, и нейтральные державы: Дания, Швейцария, Персия [4, д. 166, л. 65]. Отчеты составлялись 5-6 числа каждого месяца на основании корреспонденции за предыдущий отчетный месяц в городе Омске, и оригинал высылался председателю Главной военной цензурной комиссии. Из штаба они отправлялись в Петроград, копии рапорта рассылались по губерниям, входящим в Омский военный округ.

Отчеты состояли из нескольких частей. Первую часть составлял анализ умонастроений в среде иностранных военнопленных, размещенных на территории Омского военного округа. В нее входили: жалобы, отзывы об условиях плена, выдержки из писем, наиболее ярко характеризующие чувства военнопленных, краткая характеристика содержания писем, мнения пленных по политическим, военным и социальным вопросам. Во второй части рапорта проводился анализ писем российских военнопленных в плену за рубежом. В конце отчета размещались выдержки из корреспонденции военнопленных гражданских лиц и иностранных подданных, касающиеся общей информации о положении в воюющих странах, прежде всего, Австрии, Германии, Англии, Франции и Соединенных Штатах Америки. В завершении приводились количественная статистика просмотренной корреспонденции и информация о ее типе (открытая или закрытая).

С сентября 1916 года к отчету стали прилагаться выборки из писем. Они разбивались на тематические подборки, такие как жалобы в комитет помощи славянам, практикуемые наказания в русском плену, жизнь сибирского провинциального городка во время войны, в сибирской деревне во время войны и так далее. Всего прилагалось от 14 до 67 писем и телеграфных отправок с полным текстом письма или кратким его тезисным изложением и указанием отправителя и адресата.

Данный источник уже по своей форме месячного отчета предполагал анализ писем военнопленных пусть и не с точки зрения историка, а государственного цензора. Благодаря этим субъективным мнениям и замечаниям можно почерпнуть многие характерные черты умонастроений пленных, динамику их изменений на протяжении войны. Секретный статус документа, не предполагавший разглашения, позволял подчеркивать нелицеприятные отзывы пленных, показывать не официальную идеализированную правительственной пропагандой и распространявшуюся через прессу и официальные заявления картину плена, а реальные отзывы с мест и перегибы местных властей.

Содержательная сторона отчетов также претерпевала значительные изменения в ходе войны. Если в первые месяцы в них включались многочисленные рассуждения военнопленных о ходе войны, а отзывы о размещении и обеспечении военнопленных были более пространны и содержательны, то уже с середины 1915 года военная тематика практически исчезла со страниц писем. Отзывы и рассуждения военнопленных стали менее содержательными, как признавал сам цензор, это во многом объяснялось не столько исчезновением интереса к данным темам, но осознанием военнопленными, что их письма, в которых они откровенно выражают свои впечатления и переживания о пережитом и увиденном, не пропускаются цензурой. Немалую роль в изменении содержания писем сыграло и распространение открыток-шаблонов, где весь текст письма ограничивался приветствием, сообщением о здоровье и месте пребывания военнопленного и прощанием, в нескольких строках элементарно не хватало места для рассуждений и философствования. Еще больший удар по содержанию переписки был сделан после введения в марте 1915 года правила, ограничивающего возможное количество языков, на которых велась переписка, французским, русским и немецким. Это введение лишило возможности множества военнопленных, прежде всего, славян по происхождению, вести полноценную переписку. Французский для абсолютного большинства пленных был «мертвым языком», русским владела единицы, оставался лишь немецкий, ставший, по сути, официальным языком переписки. Как иронизировали военнопленные, Россия проводила политику их онемечивания, а один офицер-славянин не без горечи писал: «Пишу вам на всеобщем и всенародном немецком языке» [3, д. 191, л. 113].

При помощи универсального метода сравнения сведений разных источников, таких как постановления и распоряжения о нормах содержания, обеспечения и охраны военнопленных, можно утверждать, что отчеты отражали реальную ситуацию в военном округе в отношении военнопленных. В отчетах в качестве подтверждения сообщаемой цензором информации приводятся многочисленные выдержки и цитаты из писем военнопленных, а с 1916 года и целые письма, сами по себе являющиеся ценным источником по истории плена.

На основании данного источника может быть получена самая разнообразная информация. Это и отражение в переписке военнопленных тех или иных крупных исторических событий, таких как взятие Перемышля, вступление в войну Румынии или Февральская революция, как, например, было показано в статье Н. С. Цысь [9], и проведение анализа содержания писем по темам: группировка пленных по степени удовлетворенности условиями плена, установление фактов нарушений со стороны администрации и самих пленных, досуг военнопленных, способы передачи запрещенной информации, отзывы военнопленных о работе благотворительных организации и почтовой службы. Ценную информацию могут получить и исследователи, занимающиеся историей Зауралья и Западной Сибири. В текстах отчетов сохранились многочисленные цитаты из переписки военнопленных о жизни и быте российской деревни, о нравах жителей, населяющих территорию, размышления иностранцев о политическом, культурном и социальном состоянии России и ее проблемах.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на то, что работе органов военно-цензурной комиссии посвящены многочисленные труды и эта тема в достаточной степени освящена в историографии, анализа непосредственно отчетов военно-цензурной комиссии, в частности, по истории военного плена, проведено в должной мере не было. Источник по-прежнему остается мало изученным, а его информационный потенциал слабо востребованным. В то время как он мог бы стать прекрасным дополнением к источникам личного происхождения военнопленных. Источник позволит обогатить работы современных исследователей за счет прямых и косвенных цитат, содержащихся в отчетах, сохранившихся в них письмах, «живым голосом пленных», которые полностью скрыты за официальными документами, заголовками прессы и колонками цифр статистических отчетов государственных органов России.

Список литературы

1. **Абдрашитов Э. Е.** Письма военнопленных Первой мировой войны как канал передачи информации // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3 (19). С. 30-35.
2. **Бондарь И. А., Бондарь В. О.** Военно-цензурная практика накануне и во время Первой мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2015/01/25/voenno-cenzurnaja-praktika-nakanune-i-vo-vremja-pervoj-mirovoj-vojny.html> (дата обращения: 01.05.2016).
3. **Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ).** Ф. И-152. Оп. 27.
4. **ГАТ.** Ф. И-159. Оп. 2.
5. **Миронова И. С.** Военная цензура почтовой корреспонденции Одесского почтово-телеграфного округа в период Первой мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 54-57.
6. **Патрушева Н. Г.** Реформирование цензурных учреждений в связи с ликвидацией цензурного ведомства Российской империи в 1917 году // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34). Ч. 2. С. 141-144.
7. **Салтык Г. А., Строева А. А.** Первая мировая война: к истории военной цензуры [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. Т. 1. № 3 (19). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/020-005.pdf> (дата обращения: 01.05.2016).
8. **Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате.** СПб., 1914. Отд. 1.
9. **Цысь С. Н.** Революция и свобода в восприятии сибирских горожан и военнопленных: март-октябрь 1917 года (на материалах Омской военно-цензурной комиссии) // Вестник ТГПУ. 2010. № 9. С. 46-52.

**REPORTS OF MILITARY-CENSORIAL COMMISSION OF OMSK MILITARY REGION
AS A SOURCE ON THE HISTORY OF RUSSIAN CAPTIVITY IN 1914-1917****Nichkov Evgenii Aleksandrovich***Tyumen State University**nichkov-evgeniyy@rambler.ru*

The article examines the problem of using the reports of the Military-Censorial Commission of Omsk military region as a historical source. By the content analysis the author identifies the periodicity of the reports, their structure and contents. According to the researcher, the acquired data allow reconstructing the captives' spare time, confinement conditions, opinions concerning charitable organizations' and state bodies' activity and supplement considerably the data of the epistolary sources of the "Great War" period.

Key words and phrase: The First World War; military censorship; Omsk military region; prisoners of war; historical source.

УДК 215

Философские науки

Автор предпринял попытку выявить понимание С. Н. Булгаковым православной догматики и сформулировать особенность ее трактовки в учении философа. В статье выявляются основания богопознания, понимаемые С. Н. Булгаковым как личный религиозный опыт, что связывает воззрения философа со святоотеческой традицией; формулируются базовые концептуальные основы учения о богопознании у С. Н. Булгакова, опирающиеся на святоотеческую традицию и православное богословие энергий.

Ключевые слова и фразы: апофатическое богословие; «богословие сердца»; личный религиозный опыт; паламизм; святоотеческая традиция; принцип символического реализма.

Рязанская Ольга Борисовна*Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)**Донского государственного технического университета в г. Шахты**ors27@mail.ru***СВЯТООТЕЧЕСТВЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ
И ФИЛОСОФСКОЕ ТВОРЧЕСТВО С. Н. БУЛГАКОВА**

С точки зрения исследователей, в процессе воздействия святоотеческой исихастской традиции на отечественную культуру и историю условно можно выделить нескольких периодов. Уже в XIV в., по мнению И. И. Семаевой, обнаруживается влияние исихазма на творчество иконописцев Максима Грека и Андрея Рублева; в дальнейшем оно проявляется в деятельности Паисия Величковского по переводу и изданию святоотеческой литературы на Руси; XIX век засвидетельствовал нам присутствие исихастской традиции в житии старцев Оптиной Пустыни. Однако, замечает И. И. Семаева, в целом, исихастское влияние на русскую религиозную философию было практически не исследовано [9, с. 136]. Творчество С. Н. Булгакова в этом отношении также не являлось исключением, хотя его религиозная философия и вызывала постоянный научный интерес у исследователей.

Сергей Николаевич Булгаков прошёл сложный путь духовной эволюции: православная вера, обретенная в родительской семье, уход от православия, увлечение марксизмом, разочарование в нём, наконец, возвращение к православию. Причём последний духовный перелом произошёл через промежуточный этап обращения к немецкому трансцендентализму. «Именно влияние трансцендентально-идеалистических воззрений породило разочарование русских мыслителей в философском обосновании материализма и, в конечном счёте, способствовало его преодолению» [5, с. 119]. Испытав влияние немецкой философии, С. Н. Булгаков, по словам Г. В. Флоровского, обращается к учению Св. Отцов, «к опыту Великой Церкви, в историческую Церковь, в Церковь предания и отцов» [12, с. 483].

Соответственно, как религиозный мыслитель, С. Н. Булгаков все феномены реальности рассматривает в контексте религии, давая событиям и явлениям мира религиозную интерпретацию. Причём православная догматика понимается С. Н. Булгаковым не только как основа самого богословия, но и всего мироздания. Следовательно, догматы должны быть востребованы не только в богословии, но и в философии. В этой связи философ видит в качестве одной из своих задач перевод концептуальных религиозных истин «...на язык современного философского мышления» с целью обнаружить, как эти истины «искажаются и затемняются и в материализме, и в идеализме» [4, с. 51]. В то же время философ сам не избежал такого искажения, что справедливо было замечено И. И. Семаевой. По ее мнению, трактовка С. Н. Булгаковым паламизма стала, по сути, «разрушением православной энергетической традиции» [9, с. 95]. Поэтому в данной статье мы попытаемся выявить особенности понимания С. Н. Булгаковым православной догматики.

Интерес к святоотеческому наследию вообще был характерен не только для С. Н. Булгакова, но и для многих русских философов в начале двадцатого века. Ряд отечественных исследователей (И. И. Семаева,